

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

Собачье
танго

Индия Кузнецова

Елена Логунова

Собачье танго

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Логунова Е. И.

Собачье танго / Е. И. Логунова — «Эксмо», 2020 — (Индия Кузнецова)

ISBN 978-5-04-108558-2

Семья Индии Кузнецовой неожиданно для себя завела питомца — спаниэля по кличке Гуся. Но милый песик сразу убежал! Отправившись на поиски, Индия за родным домом обнаружила на лужайке в лопухах вовсе не черно-белую собаку, а чье-то абсолютно неживое тело! Но когда она срочно вызвала своего любимого, майора Кулебякина, в лопухах уже ничего не было. Просто не лужайка, а какой-то Бермудский треугольник! Но от Индии так просто не скроются ни люди, ни звери!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-108558-2

© Логунова Е. И., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Понедельник	5
Вторник	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Елена Логунова

Собаچه танго

Понедельник

– Ну же, Дюха, ты где? – раздраженно спросил Зяма.

Его звонок застал меня в троллейбусе, а это не лучшее место для разговоров.

Бабушки, традиционно составляющие у нас основу трамвайно-троллейбусного народонаселения, встрепенулись и уставились на меня в трогательной надежде, что я развею их вековую скуку. Одна старушка, божий одуванчик, даже шапочку набок сдвинула, освобождая ухо – позаботилась о лучшей слышимости. Шапочка на ней была летняя, вязанная крючком, такого насыщенного красного цвета, что, если бы не дырочки, бабушкина голова была бы неотличима от гигантского томата. Огненно-красные помидоры, кстати, ехали с ней в ведре. Я подивилась тому, как удачно бабуля подобрала аксессуары. Зяма бы оценил.

Ой, Зяма! Сердитое сопение в трубке напомнило мне, что братец ждет ответа, и, глядя на красную шапочку, я вполголоса ответила:

– Следую через темный лес...

– Кругом злые волки? – сам догадался Зяма. – Понял, не спрашиваю, просто скажи, ты скоро?

– Пять минут, пять минут! Это много или мало? – напела я вместо ответа.

– Хорошая девка! – громко одобрила меня с моим классическим репертуаром та старушка, которая Красная Шапочка, Бабушка и Волк в одном лице.

Ну, вот! Я все-таки привлекла внимание аудитории. Сейчас придется драпать.

– И шо в ей хорошего? – ожидаемо включилась другая бабушка – толстая, в ситцевом халате и с палкой-клюкой. – Юбка еле-еле срам прикрывает!

– И волосы у нее зеленые! Шалава крашеная! – поддакнула предпенсионного возраста особа в лосинах и просторной футболке с чужого крутого плеча.

Вроде еще не старая, а уже с проблемным зрением – не разглядела, что зеленая у меня всего одна прядь. Зямка поутру специальным мелком намазал – для пушей гармонии с салатовой блузкой. Художник, блин. Он эстетствует, а я тут получаю... неблагоприятные рецензии маститых критиков.

В короткую юбку, к слову, меня тоже Зяма одел. Сказал – блузка слишком строгая, надо сбалансировать верх и низ. Сбалансировал! Молодые мужчины весь день полировали мои нижние конечности неотрывными взглядами, зато старые бабушки сейчас заплюют их ядом.

– А ноги у девки красивые! – перебил старушечье ворчание мужской голос: в дискуссию отважно вступил седобородый дедуля с авоськой картошки.

Бабульки, как заржавленные зенитные орудия, со скрипом и скрежетом развернулись на звук.

– Дай вам Бог здоровычка, дедушка! – от души поблагодарила я неожиданного заступника, отступая с поля боя в конец троллейбуса.

Все, сейчас бабушки естественным образом переключатся на дедушку и забудут про меня. Приговоренного деда было немного жалко, но лучше уж пусть клюют его, чем меня. Дед, надо полагать, опытный, не исключено, что ему эта свара с бабушками заменит бодрящий душ.

Старичок и вправду держался молодцом, переругивался с бабушками весело и задорно. Похоже, все участники процесса получали удовольствие – бабки распрямили спины и заблестели глазами, дед разругаялся и вызывающе тряс бородой.

Какая я все-таки молодец – на пустом месте добавила пожилым людям полезного адреналина!

Сверкая самодовольной улыбкой и голыми коленками, я вышла из передвижного дискуссионного клуба «Кому за 60» на своей остановке и бодро зашагала домой. Пять минут, обещанные Зяме, уже прошли, и можно было ожидать, что братец снова начнет обрывать мне телефон. Мне не хотелось разговаривать с ним во дворе, привлекая внимание наших местных бабушек на лавочке. От них так легко, как от чужих троллейбусных старушек, не отделаешься.

В нашем подъезде умопомрачительно пахло свежей выпечкой. Я вспомнила, что папуля спозаранку ставил тесто для своих фирменных пирожков с абрикосами, творогом и миндалем, и улыбка моя сделалась еще шире и солнечнее. В другой раз я бы так и пошла, шевеля носом и мечтательно жмурясь, прямым к родному порогу...

Аромат свежей вкусной еды – мощное средство зомбирования! Но сегодня я удрала с работы на три часа раньше и еще не успела как следует проголодаться, а двумя этажами ниже отчего дома, в квартире Трошкиной, меня нетерпеливо дожидался Зяма. Отсутствие серьезного аппетита и наличие кое-какой совести не позволили мне променять его на вкусную еду. Хотя, положив руку на сердце, мне трудно было бы ответить на вопрос, какой из шедевров я люблю больше – папиного сына или его же пирожки.

В Алкину квартиру на пятом этаже я вошла без звона и стука, просто толкнув дверь – она была открыта, Зяма действительно ждал меня.

– Ну, наконец-то! – Братец встал на пороге комнаты, как в раме, и я залюбовалась образовавшейся картиной.

Определенно, это было достойное внимания полотно.

Двухметровый мускулистый Зяма с рассыпавшимися по плечам влажными кудрями и в одном полотенце на бедрах поразительно походил на молодого древнегреческого бога – на Аполлона, пожалуй, если бы тот немного подкачался и отрастил волосы подлиннее. Из современников к этому образу ближе всех был мой любимый Брэд Питт в «Трое», но Питта Зяма изрядно перерос.

Созерцая единокровного мне красавца, я понимала, почему дамы вешаются ему на шею, как гавайские гирлянды, и при этом твердо знала: вот эта вся брутальная роскошь – девяносто кило проблем, коварно спрессованных в привлекательную форму.

За спиной псевдогреческого бога мягкими холмами круглились разноцветные груди тряпья – подходящий фон для пасторали. Комнату щедро заливало расплавленное золото солнечного света, ветерок из распахнутых окон колыхал плети декоративной зелени, свисающие из горшков на полке, и для полноты картины не хватало скачущих по тряпичным горкам белых козочек и пастушьей свирели. Ее Зяма мог бы держать в руке, она там смотрелась бы лучше, чем папины кухонные весы-безмен.

С безменом в руке в Зяме было что-то от Капитана Крюка, это несколько портило чистый божественный образ.

– Взвесил? – спросила я, сбрасывая босоножки и топая в комнату мимо посторонившегося брата.

– Десять четыреста, – ответил он с досадой. – Не знаю, что выбросить – султанский ансамбль или пляжное пончо?

– А что в ансамбле? – уточнила я, догадываясь, что речь не о песенном коллективе.

– Парчовый халат, шелковая феска с вышивкой серебром и нешлифованными аметистами и сафьяновые туфли с загнутыми носами, – добросовестно перечислил братец.

– Вы где жить будете? В султанском дворце? – Я оценила роскошь одеяния.

– В «Хилтоне»!

Несколько секунд я смотрела на брата, изо всех сил усмиряя лютого демона зависти.

Блин, блин, блин! Я тоже хочу в отпуск, но денег нет...

Потом я сдержанно сказала:

– По-моему, этот твой ансамблик – даже для «Хилтона» перебор. Выбрасывай.

Зяма душераздирающе вздохнул, но все же снял с верха кучи, громоздящейся в распаханном чемодане, охапку сверкающего барахла.

Закрыв чемодан, взвесил его:

– Восемь шестьсот!

– Вообще-то полкило – допустимый перевес, – напомнила я, жестами показывая братцу, что чемодан надо снова открыть. – Но не будем испытывать твою судьбу и широту души авиакомпания, уберем еще что-нибудь.

– И пусть это будет что-нибудь Алкино, – торопливо подсказал Зяма. – А то я лишился уже трех вещей, а она ни одной! А ведь мы клялись друг другу поровну делить радость и горе!

– Остаться без сафьяновых чувяков – это, конечно, большое горе, – съязвила я, сканируя взглядом содержимое чемодана. – О, вот это, по-моему, свободно можно оставить дома!

Я вытащила из чемодана обувную коробку, сплошь, как мумия, обмотанную широким скотчем. Коробочка была небольшая, из-под каких-то легоньких тапочек тридцать пятого размера, явно Алкина – только она у нас в семье может похвастаться такой миниатюрной лапкой. Хотя чем тут хвастаться, это же сущее наказание – всю жизнь находиться в поисках подходящей красивой обуви, без проблем отовариваясь только в «Детском мире»!

– А что это? – Зяма подобрал отложенную мной коробочку, осмотрел ее со всех сторон, пытливо потряс, с интересом послушал непонятное шуршание. – Да, это точно не мое!

Я кивнула. Сто процентов, это не Зямино! Зямино было бы изысканно упаковано в крафтовую бумагу, перевязано рукодельной веревочкой из натуральной пеньки и еще красной сургучной печатью приклепнуто.

– Слушай, идеально – ровно восемь кило! – восхитился братец, повторно взвесив чемодан. – Ну, Дюха, глаз-алмаз!

И он потер ладони.

– Отлично, теперь проверим второй.

– А есть и второй? – слегка расстроилась я.

Остынут же папины пирожки...

– Ты же не думала, что нам с Алкой двоим на неделю хватит одного чемодана? – Зяма почти оскорбился. – Конечно, есть и второй!

– А если бы не скупость авиаперевозчика, был бы и пятый и десятый! – понятливо кивнула я, с легкостью вообразив себе братца в халате и чувяках во главе каравана разновеликих чемоданов. Он бы их выстроил по ранжиру, как слоников на комод, и красиво декорировал чеканным серебром и расшитыми попонками...

– Двенадцать триста, ого! – охнул тем временем Зяма, взвесив второго своего слона, пardon, чемодан. – Божечки мои, что эта женщина туда напихала?!

– Этот Трошкина собирала? Так, пропусти специалиста. – Я отодвинула шокированного братца, прицелилась, запустила руку в угол хабаря и безошибочно нашла Алкину записку – два тома «Войны и мира».

– Это что? – моргнул Зяма.

– Книжечки, – нервно хихикнула я. – Ты разве не знаешь, что твоя женушка на отдыхе любит почитать?

– Толстого? – Зяма произнес это так, что Лев Николаевич имел полное право обидеться. – Лежа в гамаке между пальмами? Да под Толстым гамак оборвется, а пальмы согнутся! Взгляни бы лучше что-нибудь мамулино, у нее полно легковесных новинок в мягком переплете!

– Сгоняй за книжечкой.

Я одобрила неравнозначную замену на поле Льва Толстого Басей Кузнецовой, и братец, надев штаны, сбегал в родные пенаты за художественной литературой.

Пара покетбуков с зубастыми монстрами на обложках не вывела вес чемодана за пределы разрешенного, и мы с Зямой в четыре руки сноровисто упаковали багаж наилучшим образом. Собственно, именно для этого меня и позвали: я умею складывать вещи так аккуратно и эргономично, что они занимают минимум места и почти не мнутся.

Льва Николаевича и коробку-мумию братец, недолго думая, затолкал поглубже под диван. Очень вовремя: как раз пришла Алка.

– Милая, это ты? – громко спросил Зяма, торопливо застегивая чемоданы, чтобы не оставить милой шанса обнаружить, что ее чего-то без спроса лишили.

Трошина в ответ как-то странно взвизгнула и нарисовалась на пороге в подозрительной позе «руки в боки».

А, нет, «руки за спиной». Это еще подозрительнее!

– Зямочка, ты же меня любишь? – заискивающе спросила она, неподдельно встревожив супруга.

– К чему этот странный вопрос? – Зяма заметно напрягся.

А я, умудренная опытом длительного знакомства с Алкой, проницательно спросила иначе:

– Трошкина, что у тебя там? Новый штраф за неправильную парковку? Вызов на дуэль, черная метка, окровавленный топор, камень, снятый с души у кого-то другого?

Вообще-то, все перечисленное подходило: вид у Трошкиной был виноватый и дерзкий одновременно.

– Младенец, прижитый от другого мужчины? – выдвинул свою шокирующую версию Зяма.

– Милый, какой ты умный! – льстиво восхитилась Алка, и Зяма нахмурился. – Почти угадал!

Она вывела руки из-за спины и продемонстрировала нам прелестного песика в черных белых локонах.

– Опять собачка? – Я попыталась припомнить, которая уже по счету, но не смогла.

Трошкина всегда отличалась редкостным добросердечием. В детстве она одна усыновила больше зверушек, чем мы с Зямой на пару. И это при том, что под нашими с братцем кроватками и в нижних ящиках стенки в детской с легкостью можно было обустроить вполне приличную псарню – я знаю, мы неоднократно пробовали! К счастью, папуля с мамулей не рвались в собаководчики.

– Очень ладная собачка испанской породы. – Я уместно процитировала Тургенева.

– Как Муму? – Зяма тоже продемонстрировал, что читал вечную классику.

Мы, Кузнецовы, интеллигентное семейство. У нас даже свой собственный писатель имеется!

– Но-но! Почему сразу Муму? – заволновалась Трошкина, решив, что ее найденышу прочат печальную судьбу знаменитого литературного песика. – Я не дам моего Гусю в обиду!

– Боже, она уже дала ему имя! – Зяма закатил глаза.

Я сокрушенно вздохнула. Мы все понимали, что именно это означает: Алка взяла песика в семью.

– А ты не забыла, что через... – Зяма посмотрел на свой швейцарский хронометр – он и джинсы, спешно натянутые перед спонтанным забегом в отчий дом за книжечками, по-прежнему составляли весь скудный наряд братца. – Через три с половиной часа мы улетаем в Стамбул? Без Гуси, потому что у него нет билета!

– Конечно же, я не забыла про Стамбул. – Трошкина вынула свои задние лапки из балеток и засемила в кухню, с натугой удерживая песика на весу и подметая пол его хвостом. – Именно поэтому я дала ему турецкое имя! Гуся – это уменьшительно-ласкательное, полностью он у нас Гуссейн...

– Ибн Хоттаб, – произнес Зяма с отчетливо ругательной интонацией, после чего тоже заспешил в кухню.

Он обогнал Алку, открыл холодильник, и они втроем, включая Гусю, задумчиво устались в пустое нутро холодильного агрегата.

– У нас нет ни молока, ни мяса, – обзрев зимние просторы, огорчилась Алка.

– Конечно, мы же решили не оставлять в холодильнике скоропортящиеся продукты и выключить его на время нашего отсутствия, – припомнил Зяма.

– Гусю надо срочно пристроить в добрые руки, – постановила Трошкина и посмотрела на меня.

– У меня злые! – заявила я и спрятала свои руки за спину.

– Я брошу клич на Фейсбуке! – объявила Алка и порысила в комнату, продолжая прижимать к животу радостно скалящегося песика. – Не бойся, Гуся! Сейчас мы найдем тебе новый дом и доброго хозяина, который любит животных. Может, у него уже даже будут собаки...

– Ну да, ну да, – покивала я с легким скепсисом.

И напела:

– Жили у бабуся три веселых Гуси...

– Что? Повтори! – Зяма мягко закрыл холодильник и уставился на меня.

– Жили у бабуся три веселых Гуси, – повторила я. – Один серый, другой белый, третий полосатый, как-то так...

– Дюха, ты гений! – просияв, объявил братец и побежал за женой. – Алка, стоп! Отставить клич на Фейсбуке, у меня есть идея!

– Я уверена, что она гениальная! – В голосе Трошкиной слились в экстазе похвальная преданность и беспардонная лесть.

Ну идеальная супруга!

– Мы коварно подбросим Гусю в фамильное гнездо! – выдал Зяма.

– В наше фамильное гнездо? – уточнила я, потому что мало ли, вдруг этот любитель халатов и чувяков по восточной традиции взял себе еще пяток жен, просто гнезятся они на какой-то другой жилплощади.

Хотя я на месте Зямы поостереглась бы подбрасывать Алке такую «гениальную» идею. Трошкина – она только с виду и в мирное время нежный ландыш. В условиях, приближенных к боевым, моя подруга с легкостью завалит пару Терминаторов.

– Конечно, в наше! – Зяма расплылся в злорадной улыбке.

– Ну, нет! Я протестую! – Мне эта идея не понравилась. – Напоминаю: руки у меня злые, а память дырявая, так что я не смогу обеспечить вашему Гусе регулярную кормежку и прогулки по расписанию. Да я его вообще потеряю!

– Опять?! – Трошкина ужаснулась и туже стиснула песика в объятиях, жалостливо бормоча: – Маленький Гусенька не хочет снова потеряться, он и так уже настрадался, намучился, бедняжка...

Придавленный песик взвизгнул, а мы с братцем переглянулись и, кажется, одновременно сообразили, что не прояснили обстоятельства появления у нас бедняжки Гусеньки.

Я уже открыла рот, но Зяма успел раньше и первым строго спросил:

– Откуда собачка?

– Из лесу, вестимо! – с готовностью ответила Алка и живенько нарисовала ретроспективную картинку маслом.

Салон красоты, в который Трошкина отправилась почистить перышки перед перелетом на юг, граничит с большим неухоженным парком. Окраины его белым днем выглядят вполне цивилизованно: там резвятся дети, гуляют мамы с колясками, сидят на лавочках старушки... Но углубляться в старый парк не стоит. Нахоженных тропинок там хватает, но шастают по ним преимущественно сомнительные личности – бомжи, забулдыги, наркоманы... Однажды там

даже маньяка поймали. Маньячил он, правда, в других местах, а вот прятался в парке, в заброшенном гроте у декоративного озера. Завесил вход в пещерку мятым куском брезента, распустил поверх него зеленые плети разросшегося плюща – и шикарную берлогу себе обустроил, очень стильную, Зяма хвалил. А Зяма у нас известный и модный интерьер-дизайнер...

Короче говоря, когда Трошкина на своем ярко-желтом «Пежо» в попытке объехать пробку на улице выруливала в цивилизацию по парковым задворкам, из темного леса на свет фар стремительно, с кувырками, как перекасти-поле, вылетел этот самый Гуся.

Сначала Алка приняла его за футбольный мяч – черно-белый Гусин окрас это заблуждение оправдывал. Резонно предположив, что вслед за мячом появятся некие футболисты, она затормозила, открыла окошко и приготовилась рассказать неразумным детям, как опасно играть с мячом вблизи проезжей части. В ситуациях, не являющихся критическими, наша Трошкина до отвращения правильная особа с запредельно высоким уровнем гражданского сознания и социальной ответственности!

Попадись ей эти воображаемые футболисты, она вцепилась бы в них клещом и довела бы нотациями до слез и соплей. Но никакие футболисты из леса не вышли, а предполагаемый мяч трансформировался в умильного песика, и педагогический пыл Трошкиной лишь подогрел ее вечную самаритянскую доброту.

Выйдя из машины, Алка на пару с резвым Гусей с четверть часа бегала по парку, аукая хозяев потерявшейся собачки. Никого, слава богу, не нашла – бомжи, забулдыги и наркоманы в этот момент обретались где-то в другом месте, а маньяка давно повязали, но оставить песика один на один с проблемой Трошкина, разумеется, не смогла.

– Я бы, конечно, еще поискала и объявления на деревьях развесила, но помнила, что нужно спешить на самолет, поэтому взяла Гусю с собой, – закончила доклад неисправимо добрая самаритянка.

– То есть не исключено, что ты поспешила прихватизировать чужого песика, – трезво рассудила жестокая я. – А его хозяева сейчас бродят по парку, рыдая и заламывая руки!

– На Гусе нет ошейника, я проверила! – возразила Алка.

– Но для бродяжки он слишком чистый, – не сдалась я.

– Так, все это совершенно неважно! – Зяма хлопнул в ладоши – как будто моль в воздухе прибил. – Основательно разбираться с вольнолюбивым Гусей и его раззявистыми хозяевами будем позже, сейчас возможно только временное решение, потому что самолет нас ждать не будет. Дюха, свободна!

– Есть, мой генерал! – Я браво козырнула, развернулась на месте и зашагала восвояси – именно что есть. Папины пирожки – они всегда тяготеют к скоропостижной кончине...

Зяма это тоже знает, поэтому он крикнул мне вслед:

– И не сожри там все пироги! Мы сейчас тоже будем!

Я только кивнула, бодро прошагала на свой этаж и, уже входя в квартиру, громко провозгласила:

– Всем привет, я дома, и Зяма с Алкой тоже сейчас будут!

– Что именно они будут? – ворчливо уточнил папуля из кухни. – Есть? Или сочинять ужастики о вреде мучных изделий?

– Что, мамуля села на диету? – сочувственно уточнила я, в утешение расстроенному кулинару сцапав каждой рукой по пирожку и тут же их продегустировав. – Ум-м-м... Вкуснятина!

– А руки помыть? – по инерции пробурчал папуля, но его заузленные брови расправились.

– Да какая диета, Дюша, о чем ты говоришь? – Из гостиной приплыла мамуля – в руке блокнот, за ухом карандаш, на лбу очки – оторвалась от праведных писательских трудов. – Этот коварный тип гражданской наружности, пока я вдохновенно тянула сюжет и слабо ощущала

реалии, без объявления войны подсовывал мне под руку свои пирожки, так что я съела уже пять штук!

– Успокойся, ты съела всего два пирожка. – На возбужденные голоса прибрела бабуля – заслуженный ветеран словесных баталий. – Три я с твоей тарелочки стянула, пока ты не ощущала реалии. А что? Они бы остыли.

– Да? – Мамуля сверху вниз оглядела свой поджарый фронт, пытливо ущипнула себя за талию и, очевидно, оценив попавшее в захват, как величину, которой вполне можно пренебречь, объявила:

– Тогда я съем еще два пирожка.

– А я выпью еще компота. – Бабуля тоже села за стол, потеснив меня на диванчике. – Подвинься, Дюша, сейчас еще молодые пожалуют... Ведь пожалуют?

– Конечно, пожалуют! – заволновалась мамуля. – Аллочка должна забрать у меня солнцезащитный крем и кружевной зонтик, в Турции очень злое солнце, а ей нужно заботиться о своем здоровье...

– Я дам ей с собой мою витаминную смесь, – подхватил папуля. – Турецкая кухня довольно однообразна, и в качестве тамошних фруктов я не уверен...

Я закатила глаза.

Папа и мама страстно мечтают поскорее стать бабушкой и дедушкой. На меня в этом смысле они больших надежд не возлагают, поскольку поняли, что замуж я не спешу, а принуждать меня рожать вне брака им представляется неправильным. Другое дело – Трошкина, которая и раньше была моим родителям почти как дочь, а прошлым летом и вовсе официально стала Кузнецовой. Алку мамуля и папуля без устали изводят заботой, пытаюсь сподвигнуть на подвиг деторождения. А Алка при поддержке Зямы, не спешащего вкусить радости отцовства, от навязываемого ей сценария уклоняется.

– Зонтик даже не предлагай, чемоданы уже упакованы и взвешены, банка с витаминной смесью тоже не влезет, а солнцезащитным кремом Алка милым делом обзаведется на месте, они будут жить в «Хилтоне», там все есть. – Я поспешила угомонить гиперзаботливых родителей.

И тут явились Зяма с Алкой.

Братец держал в руках коробку, Трошкина застенчиво пряталась за плечом супруга.

– А вот и мы! – возвестил братец радостно и торжественно. – Папа, мама, у нас для вас сюрприз! Вы так много говорили о том, как хотите внуков, что мы с Аллочкой решили дать вам шанс...

– Ну, наконец-то! – Мамуля, не дослушав, так впечатлилась обрывком благой вести, что уронила свой блокнот и потянулась обнять Зяму вместе с его коробкой. – Кто у нас будет – мальчик или девочка?

– Пока собачка. – Нимало не смущенный, Зяма сунул в протянутые руки мамули коробку и прошел к столу, на ходу потирая ладони. – Так, у нас мало времени, поэтому есть я буду быстро, но много...

– Собачка? – озадаченно переспросила мамуля. – Какая собачка?

– Гуся, – любезно пояснила ей Трошкина и предупредительно развернула верхние лепестки картонной коробки, открывая вид на искомую собачку.

– Не понял, – честно признался папа.

Бабуля захихикала.

– Объясню. – Зяма щедро промочил горло компотом и уничтожил первый пирожок в два укуса, экономно уложив в паузу между ними обещанное объяснение. – Опыты на людях у нас запрещены. Хотите получить на воспитание ребенка – сначала потренируйтесь на собачке. Справитесь – перейдете на следующий уровень.

– И долго нам так тренироваться? – сухо спросила мамуля.

А папуля умильно улыбнулся четвероногому «внуку», убежденно сказал ему:

– У-тю-тю! – и ловко показал пальцами козу рогатую.

– Недолго, – молвила Трошкина. Голос у нее был виноватый. – Через неделю мы вернемся и заберем его...

– Угум, – подтвердил Зяма, справляясь с очередным пирожком.

Проглотил его, блаженно улыбнулся и грозно нахмурился:

– Но если за эту неделю с нашим условным ребенком хоть что-нибудь приключится – пеняйте на себя! Сидеть вам тогда без внуков еще тридцать лет и три года!

– Какое коварство! – Мамуля выразительно посмотрела на папулю, взглядом призывая его вмешаться.

– Спокойно, дорогая, ничего страшного, всего лишь небольшой тест на профпригодность. – Папуля забрал у мамы коробки и заботливо поместил ее в уголок за холодильником. – Так, подходящие мисочки для еды и воды у меня наверняка найдутся...

Он хлопотал, сноровисто обустроив быт подопечного.

– Чего-то в этом роде я ожидала, – усмехаясь, заявила бабуля.

– Но не собачки же! – возмутилась мамуля.

– Не собачки, – согласилась наша родная старушка. – Я думала, это будет кто-то поэкзотичнее – хамелеон, к примеру, вомбат или анаконда... Думаю, что задача пригреть на груди змею была бы для тебя, Бася, непосильной.

– Вомбат? – повторил папуля, явно пытаясь вспомнить, кто же это такой.

Я жестами и мимикой изобразила ему в помощь большого и щекастого крысовидного грызуна. Пирожок за щекой придал картинке натуралистичности.

– Анаконда? – тоже повторил Зяма.

По лицу его было видно, что он имеет внятное представление об анакондах и очень жалеет, что эта мысль не пришла ему в голову раньше. Еще бы! Мамуля нипочем не увнучерила бы анаконду! Взяла бы самоотвод из бабушек сразу же, как только та попросилась бы к ней на ручки!

– Пойдем, Гусар, расквартируем тебя, – сказал папуля и увел переименованного Гуссейна в глубь квартиры.

– Подожди, Боря, я знаю, из чего сделать подстилку! – Бабуля подхватила и вымелась из кухни.

– А я знаю, из чего сделать кровать! Давно хотела избавиться от нижнего ящика письменного стола, он мешает ногам, – оживилась мамуля и тоже удалилась, замыкая процессию.

Зяма посмотрел им вслед с понятным беспокойством:

– Какие заботливые!

– По-моему, кто-то сам себя перехитрил, – сказала я.

– В самом деле, Зямочка, ты не давал бы клятвенных обещаний, – заволновалась Трошкина.

Наши родители – люди очень ответственные и целеустремленные, а у бабули еще и полвека педагогического стажа. Теперь, когда Зяма их так замотивировал, можно было ожидать, что за эту неделю бабуля научит Гусю читать, мамуля – писать, а папуля – маршировать по плацу левой-правой, браво вскидывая лапу под воображаемый козырек при появлении старшего по званию.

Я тут же вообразила себе встречу во дворе нашего новобранца и многоопытного пса моего любимого майора Кулебякина и решила, что должна поделиться новостью с Денисом. Ну, чтобы он был готов выводить на прогулку сразу двух собак – свою и нашу. Не было сомнений, что папуля попытается привлечь к воспитательному процессу майора, и тот не откажет полковнику и будущему тестю.

– Па-ап, я к Денису! Можно взять пирожков? – покричала я и, не дожидаясь предсказуемого ответа, перегрузила с большого блюда на тарелку часть выпечки.

– Нужно! – ответно покричал папуля.

– Всем пока, счастливого пути и до новых встреч, – сказала я Зяме и Алке. – Летите, голуби, летите. Ваш песик в надежных руках.

– Это-то меня и тревожит, – пробормотал братец. – С простой собачкой наши аксакалы, боюсь, ни разу не оплошают. И придется тебе, Алка, рожать сразу двойню...

– Четверых, – хихикнула я. – Маме и бабушке по одному воспитуемому, а папе сразу двух, чтобы было кому командовать: «На первый-второй рассчитайсь!»

– Эх, Алка, почему тебе не встретился потерявшийся хамелеон? – продолжал причитать расстроенный Зяма. – Вот это была бы задачка так задачка – увнучерить хамелеона!

– Там не было хамелеона. – Трошкина повесила носик.

– Или ты его не увидела, – заметила я, разворачиваясь к двери. – Хамелеоны – они же мастера маскировки.

– Стоять! – Зяма сцапал меня за полу блузки. – Дюха, ты должна нам помочь! Понимаешь задачу?

– Нет! – Я помотала головой. – В смысле, я понимаю, на что ты намекаешь, но не буду устраивать диверсии! Песик не виноват, что стал заложником вашей демографической политики!

– Эх, Дюха, Дюха! А ведь легкая диарея этому песику не повредит, зато все поймут, что в доме, где ставятся смелые кулинарные эксперименты, маленькому ребенку не место!

– Но так нельзя! – вскинула голову честная и благородная Трошкина.

И я спокойно удалилась, точно зная, что Алка сейчас быстро снимет стружку с Зяминого заскорузлого морального облика, освежив этические принципы супруга.

Я поднялась на верхний этаж к квартире Дениса и свободной от тарелки с пирогами рукой произвела в дверь затейливый условный стук, означающий, что пришли свои. Свои некуда! Любимая девушка, невеста и в перспективе (отдаленной – я не спешу) жена.

Мне не открыли, не встретили с караваем на рушнике, но это еще ничего не значило. Денис мог находиться в ванной, где за плеском воды и собственным пением он обычно становится глух, хотя и, увы, не нем. А вот то, что на мой стук не отозвался радостный собачий голос, однозначно свидетельствовало: Дениса и Баркляя нет дома.

Я открыла дверь своим ключом, отнесла тарелку с пирожками на кухню, поставила на газ чайник, приготовила посуду – похозяйничала. И села на диванчик, дожидаясь своего ясна сокола в лучших фольклорных традициях – перебирая русу косу и глядя в окошко.

Буквально через минуту по двору прошел Барклай, с высоты похожий на белую в коричневых пятнах сардельку. Бассеты – они не самые грациозные в мире существа.

Дениса не было видно, а сарделька неторопливо уплыла за угол, из чего следовало, что прогулка еще не окончена.

Потом к крыльцу пришвартовалось такси, и из подъезда появились Зяма, прекрасно уравновешенный двумя чемоданами в руках, и Трошкина, отягощенная исключительно беспокойством. Она запрокидывала голову, всматриваясь в окна наверху, кривила губки, а потом еще помахала кому-то ручкой – подозреваю, что свежеусыновленному песику Гусе. Не знаю, ответила ли ей собаченька, а я тоже помахала и даже перекрестила отъезжающее такси.

Очень хотелось, чтобы у Алки и Зямы получилась приятная заграничная поездка, а не как в прошлый раз – смешной детектив с запутанным сюжетом. Хотя тогда все наше семейство совершило незапланированное путешествие в Тбилиси, и лично у меня от него остались яркие впечатления...¹

¹ Об этих событиях читайте в романе «Шерше ля фарш».

Я задумалась, перебирая прошлогодние воспоминания, и чуть не пропустила прелюбопытное зрелище – папулин премьерный выход на прогулку с собачкой.

Конечно, настоящему полковнику, пусть и в отставке, больше подошел бы какой-нибудь серьезный пес. Доберман, бульдог... Нет, лучше овчарка! Как в кино про трех танкистов – папа же у нас тоже выходец из бронетанковых войск. Со здоровенной овчаркой, рыжей в черных подпалинах, папуля в своем военизированном прикиде (шорты цвета хаки, футболка защитно-маскировочного окраса и зеленое кепи) гармонировал бы идеально. Черно-белый суегливыи комок меха, путающийся под ногами у важно вышагивающего папы, снижал торжественность парадного выхода.

Начинающий собаковод всерьез рисковал позорно грохнутья, запутавшись в поводке, и, очевидно, сам это понял, потому что спустил собаченьку... Или это Гуся сам сорвался с поводка?

Я проводила задумчивым взглядом сначала улепетывающую собачку, а потом и устремившегося вслед за ней папулю. Хм... Явно наш Гусинский – или как там его – освободился условно-досрочно и без официального разрешения! Иначе папуля не мчал бы за ним, как кенийский бегун на финишной прямой!

Папуля продемонстрировал отличную физподготовку: скрылся за одним углом дома и буквально через минуту, я еще не отошла от окна, вылетел на простор двора из-за другого. И не остановился – пошел на второй круг! А потом и на третий, правда, уже с понижением скорости.

С четвертого круга он не вернулся, и я забеспокоилась.

Папе пятьдесят пять лет, это, конечно, еще не преклонный возраст, но ведь современные мужчины в группе риска по инфарктам-инсультам уже с сорока.

Я представила, как папуля, приложив руку к сердцу, бледнеет и заваливается в лопухи за домом, вне зоны видимости из наших окон, и передумала сидеть у Кулебякина – захлопнула дверь и побежала вниз по лестнице, не дожидаясь лифта. В нашем доме лифт такой неторопливый, что в час пик не каждый дождетя его еще при жизни – на девятый этаж скорее кони апокалипсиса прискачут, чем этот лифт.

Топоча, как те самые грозные кони, я проскакала по ступенькам, вылетела сразу на середину двора, огляделась из-под ладони – солнце уже садилось и било в глаза, – папулю не высмотрела и пошла инспектировать лопухи на задворках.

За нашим домом есть такая пасторальная лужайка – вся в желтых пятнах одуванчиков и зеленых лоскутах лопухов. Зелень там могучая, как в джунглях, в детстве, когда мы с Зямой играли в воинственных папуасов, одного лопуха мне хватало на головной убор, а из шести получалась роскошная юбка.

Этот уголок живой природы в центре города-миллионника сохранился благодаря тому, что в земле под ним сто лет назад были проложены какие-то важные коммуникации. В центре полянки до сих пор торчит проржавевшая и облупившаяся металлическая табличка с запретительной надписью «Не копать!».

Правда, время и вандалы не пощадили и ее – теперь она читается как иронично-критическое «Не опа».

От стены дома полянку отделяет шпалера виноградника, который еще в допотопные времена посадила и до сих пор эксплуатирует и стережет наша соседка с первого этажа баба Тося, а по другую сторону лужайки тянутся столбы с веревками для сушки белья. Когда все та же баба Тося – пожилая дама дивно крупных форм – развешивает на них свое просторное белье, лопуховые плантации превращаются в очень уединенное место. Чем беззастенчиво пользуются разные асоциальные элементы.

Внимательно глядя под ноги, чтобы не наступить на осколки разбитой бутылки или вонючие следы чьей-нибудь жизнедеятельности, я внедрилась в травяные джунгли примерно на метр и наклонилась, чтобы повороить лопухи, проверяя, не лежит ли под ними папуля.

Разум настойчиво подсказывал, что в этом случае я увидела бы его и с дорожки, но воображение настойчиво рисовало мне папино лицо бледно-зеленым, явно в тени просвеченных солнцем листьев, и я не могла не проверить эту версию.

– Бред! – решительно хлопнула на ветру плотная бязевая ночнушка бабы Тоси.

– Ищщщщщи! – не согласился с ней болоньевый плащик ее внучки.

Я предпочла послушаться именно его – модный молодежный плащик был мне идейно ближе, – и искательно развела руками шуршащие зеленые волны.

– Ба! – снова гулко хлопнула за моей спиной старушечья ночнушка.

– Знакомые все лица, – машинально договорила я немеющими губами.

Из гущи зелени на меня слепо тарачилась желто-зеленая физиономия.

Не папулина, слава богу, нет!

Чья-то другая.

Смутно знакомая и явно мертвая.

Нервными притопами подгоняя неторопливый лифт, я вернулась на девятый этаж, с разбегу вломила в квартиру Кулебякина и первым делом своевременными хлопками по могучей спине спасла своего милого от мучительной смерти от удушья, потому что при виде меня он опасно подавился пирожком.

Вторым делом я отняла у Дениса чай, жадно выхлебала его и, припечатав кружкой по столу, объявила:

– Случилось страшное!

– Да ладно, нормально ты выглядишь, – неуверенно возразил мой любимый.

Мельком глянув в зеркальную дверцу кухонного шкафчика, я подивилась тому, какое интересное у Дениса представление о моей нормальности: зеркало добросовестно отразило вздыбленные ужасом волосы и безумные круглые глаза.

– Вот в прошлый раз – тогда да, тебя жутко покрасили, – продолжил любимый.

А, это он вспомнил мою истерику после визита в незнакомую парикмахерскую, где мои светло-русые волосы мелировали так беспощадно, что они стали похожи на блеклые космы Дейнерис Таргариен из «Игры престолов».

– Страшное случилось не в парикмахерской. – Я помогала головой и бухнулась на диванчик, потому что ноги меня не держали.

Из-под стола мне на колени тут же вынырнула умильная морда бассета. На ней отчетливо читалось: «Погладь собаченьку – и все пройдет!»

Я машинально потрепала замшевые коричневые уши и продолжила, выдав главное:

– Я нашла труп!

– Где? – спросил Денис и почему-то заозирался.

Интересненько! У него тут был кто-то, кого я могла бы прибить?!

Воображение сразу же нарисовало, как я вхожу в квартиру милого, обнаруживаю у него в спальне голую дамочку и... Тут моя фантазия притормозила, по ходу сюжета определяясь с возможным орудием убийства, и трезвый разум воспользовался моментом, чтобы ответить на вопрос по существу:

– За домом, в лопухах.

– А что ты делала в лопухах?

– Какая разница!

– Плохой ответ, учти, тебя об этом спросят. – Кулебякин отложил недоеденный пирожок, встал и заправил майку под ремень джинсов.

Еще бы фуражку надел! Командир.

– Идем, покажешь. – Денис окончательно стряхнул с себя штатскую расслабленность. – Барклай, ты остаешься дома!

– Иу-у-у? – проныл пес.

– Поговори мне!

С суровым полицейским майором действительно не поболтаешь, потому и Барклай и я безропотно подчинились. Бассет остался в квартире, а мы с Денисом пошли на задний двор.

– Ну и где? – Кулебякин с тропинки критически оглядел зеленое травяное море.

– Там. – Я указала пальчиком.

Денис осторожно шагнул на полянку и поворочал там лопухи.

– Нашел? – спросила я.

– Да ничего такого...

Тут я подумала, что у начальника отдела криминалистики свое представление о чем-то таком, его желто-зеленые мертвяки вряд ли сильно впечатляют, посмотрелся уже, но Кулебякин распрямил спину и строго спросил:

– Инка, это ты меня так разыграла?

– Что?! – Я аж подпрыгнула от негодования. – Ты что, не нашел трупа, который лежит там, как на блюде? Теперь я понимаю, почему у нашей полиции так много нераскрытых дел! А ну, подвинься!

Я тоже полезла в заросли и некоторое время, сосредоточенно сопя, под недоверчивым взглядом милого задира юбки лопухам.

Того трупа нигде не было.

– Куда же он делся? – пробормотала я, отчаиваясь.

Занятно: десять минут назад я была в ужасе от того, что нашла труп, а теперь расстроилась, не обнаружив его.

– Может, встал и ушел? – съязвил Кулебякин.

И тут кто-то в тему скомандовал:

– А ну стоять! Руки за голову!

– Ноги на ширину плеч, шагом марш, – договорила я и ехидно посмотрела на Кулебякина. – Тут и мертвый мог послушаться!

– Зря ты смотришь восьмой сезон «Игры престолов», – так же ехидно ответил мне милый.

Мы одинаково скрестили руки на груди и развернулись друг к другу лицом.

– Я сказал, стоять, не двигаться, руки вверх! – настойчиво повторил командный голос, и из просвета между сохнувшим дезабельем бабы Тоси на тропинку выступил какой-то хоббит с пистолетом.

– Ну, вот, сейчас тут будет сразу два трупа, – пробормотала я без всякой радости.

А Кулебякин поднял руки, голосом доброго психиатра сказал:

– Спокойно, парень, опусти пушку! – И в следующий миг стремительным движением, которого я не отследила, потому что оно буквально размазалось в воздухе, ударил хоббита ногой по руке с пистолетом.

Потом была куча мала, стоны, вздохи, матерная ругань, и наконец, эти двое разлепились, причем диспозиция принципиально изменилась: теперь мелкий хоббит размахивал пустыми руками и дергал лишенными опоры ногами, а рослый Денис держал его за шиворот, разглядывая с недобрым интересом.

Со стороны он был похож на портовый кран, начавший погрузку неупакованного Кинг-Конга.

Я нервно хихикнула.

– Да как вы смее... Да я... Да это нападение при исполнении... – бухтел, несогласно трепыхаясь, похожий на хоббита мужичок.

Ростом он был с Венеру Милосскую – около полутора метров, но далеко не так хорош: морда вся шерстяная, коричнево-рыжая.

Приглядевшись, я рассмотрела, что это вообще-то молодой парень, просто отпустивший бороду. Ее он явно холил и лелеял в каком-нибудь модном барбершопе: борода и усы занимали большую часть площади лица парня и органично сливались с прической. Немногочисленные участки голой кожи плотно покрывали веснушки, так что на первый взгляд вся голова казалась однотонной. Только глаза светились голубизной, как пара незабудок на бурой травяной кочке.

– И что это ты тут исполняешь? – поинтересовался Денис.

Я легким пинком подбила ближе к нему оброненный хоббитом пистолет. Кулебякин взглянул на ствол, потом – уже с новым интересом – на его владельца:

– Табельное?

– Конечно! Я здешний участковый! – задергался голубоглазик.

– Вранье, наш участковый – Василий Павлович Храпов, он папин приятель, я его знаю! – заявила я.

– Василий Павлович ушел на пенсию, теперь я за него! – Пользуясь тем, что Кулебякин поставил его на землю, хоббит одернул на себе рубашку и заговорил со всей строгостью: – Итак, вы напали на полицейского при исполнении...

– Вы тоже! – парировала я, кивнув Денису.

– Майор Кулебякин, ГУВД края, – представился мой милый, в доказательство своих слов раскрывая извлеченное из кармана удостоверение. – А ваши документики?

– Ой, – не по уставу отозвался хоббит, хлопав кармашки своей глубоко штатской рубашки в цветочек. – А я его дома забыл...

– Ну, тогда, брат, извини, пистолетик я пока приберу. – Кулебякин подобрал чужой ствол.

– Да что же... Ну как же?

– Спокойствие! – Я вытянула из кармана мобильник и набрала знакомый номер папиного приятеля Василия Павловича Храпова. – Дядь Вась, добрый вечер! А это правда, что вместо вас у нас теперь новый участковый? Да? А какой он, как выглядит?

Я выслушала четкий ответ, поблагодарила дядю Васю и пересказала услышанное Кулебякину:

– Наш новый участковый уполномоченный полиции – бородатый шкет метр с кепкой, лейтенант полиции Федор Иванович Шалыпин по прозвищу Шляпа.

– Могли еще Антошкой прозвать, – не без сочувствия хмыкнул Денис, возвращая надутому коллеге табельный пистолет. – И дразнить «рыжий, рыжий, конопатый, убил дедушку лопатой».

– И дразнили, – пряча оружие, пробурчал наш участковый шкет. – Думаешь, почему я в полицию пошел?

– Чтобы не лопатой обидчиков убивать, если что? – предположила я.

По-моему, это было смешно, но полицейские товарищи шутку не оценили, и оба поглядели на меня хмуро.

– Так, я думаю, нам надо выпить за знакомство, – почесав подбородок, постановил старший по званию. – Лейтенант, за мной, шагом марш. Посидим, помиримся, заодно расскажешь, с чего ты на парочку в укромных лопухах с пистолетом попер.

За чаем с пирожками история прояснилась.

Оказывается, Федору Ивановичу позвонила наша бдительная баба Тося. Ее, видите ли, встревожило, что по лопуховым зарослям вблизи ее бесценного эксклюзивного белишка бродят какие-то подозрительные личности.

– В лопухах роятся, сказала она, – объяснил участковый, прихлебывая чаек. – То ли прячут что-то, то ли, наоборот, ищут, все одно это подозрительно. Днем какой-то парень шастал, вечером девка, потом снова парень – не иначе, наркоши. Ну я и побежал проверить, вдруг и правда наркоманы в клумбе закладки делают, у меня уже была ориентировочка... А тут вы шаритесь крайне подозрительно...

– Да что подозрительного-то? – не выдержала я. – Мы просто труп там искали.

Участковый поперхнулся чаем. Кулебякин посмотрел на меня с укором. Мол, ну зачем ты, Инка? Недоразумение разъяснили, взаимопонимание наладили, и тут ты со своими дикими фантазиями...

– В лопухах был труп! – уперлась я. – Я своими собственными глазами видела в зелени мертвое желтое лицо.

– Китаец, что ли? – подобравшись, уточнил участковый.

Наверное, у него и на китайца ориентировочка имелась.

– Нет, вряд ли, – подумав, ответила я. – У него глаза были не черные, а карие, даже слегка с зеленой, и круглые, как шарик! Не китаец, не японец, вообще не азиат. Просто желтый какой-то, может, у него с печенью проблемы... были.

– Алкаш какой-нибудь, – предположил Денис. – Нажрался и задрях в лопухах. Ты его за покойника приняла, а он проспался и ушел.

Я помотала головой:

– Говорю тебе, у него глаза были открыты! Но он меня не видел...

– Слепой алкаш? – Упертый мент продолжал гнуть свою линию.

– Да нет же, просто мертвый! – Я вспомнила выразительную деталь. – К одному глазу даже соринка прилипла.

– Хорошо! – веско сказал участковый.

И под насмешливым взглядом майора поправился:

– То есть ничего хорошего, конечно, но надо попробовать разобраться толком. Как он выглядел, этот ваш труп, описать можете? Рост, телосложение, все такое?

– Все такое не смогу, он лежал в лопухах, я его полностью не видела, только лицо.

– Хорошо... То есть опять же ничего хорошего... Ну хоть лицо опишите.

– Ну-у-у...

Я задумалась.

– Вроде я его где-то видела. Или он похож на кого-то знакомого? Даже не знаю. Лицо круглое, щекастое, лоб широкий, волосы и брови черные, усы тоже...

– Усы? – заинтересовался участковый.

– Не такие, как у вас, без бороды, и вроде как кисточками или щеточками, – я пошевелила пальцами, рисуя в воздухе кисточки и щеточки. – И прическа не из остро модных – полудлинная и волнистая, как если бы кудри уступами подстригли.

– Похоже, творческая личность, – заметил участковый.

– Алкаш, – снова твердо припечатал майор.

Я смотрю, у него крайне нелестное мнение о творческих личностях, надо бы мамуле об этом рассказать, она при случае проведет воспитательную работу...

– А как он был одет?

Это был хороший вопрос. Я почесала в затылке и призналась:

– Без понятия. Между прочим, я вот сейчас подумала и поняла, что вообще не уверена, что там было еще что-то, кроме мертвой головы.

Лейтенант и майор одинаково хлопнули глазами.

– А что вас удивляет? – Я старательно сохраняла хладнокровие. – Вы разве расчлененных трупов не встречали?

– Э-э-э... – проблеял участковый.

Ясно, этот не встречал.

– Ну, предположим, – кивнул Кулебякин, который навиделся всякого. – А как выглядело место отделения головы от шеи? Ровный срез или там рваная рана?

Я нервно сглотнула подкативший к горлу ком и ответила встречным вопросом:

– Думаешь, я стала бы такое разглядывать?

– А зачем вообще вы полезли в эти лопухи? – очень резонно поинтересовался участковый.

Я хлопнула себя ладонью по лбу:

– Совсем забыла! Я же папу там искала.

– Борис Акимыч мог лежать в лопухах? – не поверил Денис.

– Он тоже творческая личность? – с пониманием уточнил участковый.

– Да тьфу на вас! – обиделась я на такое предположение.

И даже отвечать не стала. Снова вынула из кармана мобильник, позвонила на наш домашний номер и, дождавшись, пока трубку сняли, сразу спросила о главном:

– Он вернулся?

– Нет, Дюша, он пропал! – печально ответил папуля.

Поскольку, вообще-то, я интересовалась, вернулся ли сам папуля, я поняла, что на этот мой вопрос ответ получен положительный. А вот Гуся пропал.

Да-а-а, вот это действительно проблема...

Что ж, будем ее решать.

– Я прошу меня извинить, но я должна вас покинуть, дела семейные, очень важные, – твердо сказала я полицейским товарищам, вставая с диванчика.

Не зря же говорится, что живая собака важнее мертвого льва. Наш пропавший песик беспокоил меня гораздо больше, чем исчезнувший незнакомый труп.

Эти семейные посиделки отличались от нашего традиционного вечернего чаепития примерно так же, как мормонские похороны – от свадьбы в Малиновке. Даже чай папуля заварил нетипично крепкий и подал к нему только твердые сушки – чтобы мы, значит, не отвлекались на еду. И сахарницу убрал подальше!

– Итак, я собрал всех, чтобы выслушать ваши предложения и принять решение, – начал глава семьи. – Обрисую ситуацию. Собака, выданная нам в качестве условно-тренировочного внука для проверки необходимых навыков, убежала. Догнать ее не получилось, найти тоже, на кличку Гуся она не откликается.

– Или он, – добавила мамуля, внимательно выслушав супруга и даже сделав какие-то пометки в дежурном блокноте. – Мы ведь не успели выяснить, мальчик Гуся или девочка... Или кто-нибудь в курсе? Нет? Хм... это может вызвать осложнения...

– Снова операция «Хомяк»? – понятно уточнил папуля и покосился на меня.

– Ладно, ладно, не маскируйтесь уже, я давно знаю, что наш с Зямой любимый хомячок прожил удивительно долгую жизнь исключительно благодаря близнецам из зоомагазина, – хмыкнула я. – Сколько раз вы там коварно покупали нам нового хомячка взамен безвременно усопшего, три или четыре?

– Вообще-то, пять, – смущенно признался папа.

– И еще внуков хотите! – фыркнула я.

– Дюша, но есть же разница между хомяком и младенцем! – вскинулась мамуля. – Уверяю тебя, с малыша бы мы глаз не спускали, пылинки бы сдували!

– Конечно, его же не купишь так просто в магазине, – съязвила я, но тут же устыдилась.

Родители очень расстроились, а я их люблю...

«Реши уже, на чьей ты стороне, – сказал мне внутренний голос. – Зяма, конечно, будет счастлив узнать, что собака потерялась, но стоит ли эта его шкурная радость переживаний родителей?»

– Купить похожую собаку – это вариант, – признала я. – И можете не бояться, что она окажется не того пола – я уверена, Зяма с Алкой тоже не успели выяснить гендерную принадлежность Гуси, слишком мало они были знакомы... Хотя Трошкина назвала собачку Гуссейном, а это определенно мужское имя...

– Значит, на всякий случай берем кобелька, – постановил папуля.

– А как же настоящий Гуся? – спросила бабуля. – Мы оставим его на произвол собачьей судьбы?

– Ни в коем случае! – решил папуля. – Кузнецовы своих не бросают. Гусю будем искать.

– А если найдем, а у нас уже будет лже-Гуся, что тогда? – Мамуля привычно наметила интригующий сюжет. – Как мы объясним то, что один условно-тренировочный собачий внук превратился в пару близнецов?

– Отложим покупку на крайний срок, заведем лже-Гусю непосредственно перед возвращением Зямы и Аллы из Стамбула, – рассудила бабуля. – А тем временем будем искать настоящего пса. Если найдем – купить замену не понадобится.

– Хороший план, но так не получится, – возразил папуля. – Собачка нужна нам уже сейчас, я обещал детям фотоотчет и должен не реже раза в день присылать им снимок, подтверждающий, что Гусе у нас хорошо. Слава богу, одну фотографию я сделать успел, так что за сегодняшний день мы отчитаемся, но что делать завтра?

– А покажи фотку, – попросила я.

Черно-белый Гусин образ отнюдь не произвел на меня неизгладимого впечатления. Имело смысл освежить воспоминание.

– Вот. – Папа выложил на стол свой смартфон с фотографией, сделанной на крыльце дома. – Это Гуся перед нашей первой прогулкой.

– Что за странный поводок? – Я присмотрелась к фото и поняла, почему первая прогулка Гуси стала и последней.

За неимением правильной собачьей упряжи папуля наскоро спроворил поводок из содержимого бабулиного сундучка для рукоделия. А красная шелковая лента – она, конечно, красивая, но скользкая, и запросто сама собой развязывается.

– Не смотри на поводок, смотри на собачку, – сказала мамуля. – На мой взгляд, никаких особых примет у нее нет, так?

– А какие особые приметы могли быть у собаки? – озадачился папуля. – Родинки, шрамы, татуировки вроде исключены, эксперименты с окрасом тоже, – тут он с легким неодобрением посмотрел на зеленую прядь в моих волосах.

– Да мало ли? – пожала плечами мамуля, которая не затруднится придумать что угодно. – У пса могло быть подранное ухо, разного цвета глаза, проплешина в запоминающейся форме, к примеру, правильной пентаграммы...

– Ой, Басенька, оставь ты эти фантазии для романа, – отмахнулась бабуля, узурпировав мобильный с фото, чтобы поближе рассмотреть предмет беседы. – Нормальная собачка, вполне заурядная, таких на птичьем рынке полные корзинки. Но мы же решили пока не покупать собаку-заменителя, да?

– Да, – сказала я решительно, потому что уже все придумала. – Вот что мы сделаем...

Вторник

В отношении к еженедельным утренним планеркам по вторникам я до сих пор не определилась.

С одной стороны, всем коллективом собраться в офисе в девять ноль-ноль во вторник гораздо легче, чем в то же время в понедельник – мы, рекламщики, народ креативный и выходные зачастую проводим так, что возвращаемся к трудовой жизни мучительно больно, трудно и долго.

С другой стороны, вторник уже заметно ближе к концу недели, его хочется провести в спокойных результативных трудах, постепенно накапливая жизненные силы, а не растрачивая их в словесных баталиях, неизбежных на нашей планерке...

– Фигасе! – возмущенно завопили в кабинете, едва я приоткрыла его дверь, чтобы тихо в нее ввинтиться.

Ну да, я опять опоздала.

«Что мне вторник, что среда – опоздаю я всегда, когда мои друзья со мной! Ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля, ля-ля-ля-ля-ля-ля, когда мои друзья со мной!» – обычно напевали в этот момент мы с Трошкиной, заглушая развеселым ляляканьем укоризненный кашель Бронича. Но сегодня Алки со мной не было, поэтому я помалкивала. Одиночный протест задавить гораздо легче, я не хотела нарываться.

На мое счастье, как раз сейчас в кабинете трамбовали кого-то другого – судя по тому, что я успела услышать, Степу.

«Фигасе» и «ничосе» – это его любимые реплики. Прочие наши мужики, да и некоторые дамы используют их матерные аналоги, но Степа для этого слишком хорошо воспитан. Ему мама, практикующий экстрасенс, с раннего детства внушила, что разрушительная энергия грязных ругательств так травмирует и пачкает биополе матерщинника, что после каждого скверного слова надо проходить многочасовой обряд очищения в углу, коленками на горохе.

– Четыре аудиозаписи по полтора часа каждая?! – возмущался Степа. – Ничосе! А не офонарели ли вы, Гаянэ Вазгеновна?! Это что за интервью такое – аж на шесть часов?! При том, что готовый материал должен быть всего лишь на две странички?

– Лучше больше, чем меньше. – Гаянэ расправила плечи, в полном соответствии со сказанным выкатив на полстола могучий бюст.

– Лучше меньше, да дороже! – не согласился Степа, выдающимся бюстом не впечатленный.

Он у нас интеллектуал и больше ценит самые верхние полушария – те, что в черепной коробке, а там Гаянэ похвастать особо нечем, хотя она и не блондинка, а вовсе даже наоборот.

Гаянэ работает у нас менеджером по продажам, но клиентам для пушей солидности представляется редактором и в оправдание своих амбиций норовит самостоятельно проводить интервью, с запинками и оговорками зачитывая с листа вопросы, написанные умницей Степой.

– Я подготовил тебе шесть вопросов. Всего шесть! – Степа вскинул ладони и показал соответствующее количество пальцев – сначала по три на каждой руке, потом пять на одной и один на другой, потом четыре и два соответственно – перебрал для пушей понятности все возможные варианты сурдоперевода. – И что, на каждый мой вопрос клиент отвечал по целому часу?!

Я зевнула, заскучав: вечный бой редактора с продажником заведомо лишен интриги.

Степа, не желающий принимать в работу шесть часов аудиозаписи, чтобы на выходе получить всего две странички текста, покричит и сдастся под напором неопровержимого аргумента «не обижай продажника, он приносит нам деньги».

Хотя мне очень странно и неприятно, что все – ну, кроме нас со Степой, – не хотят руководствоваться не менее верным: «не обижай редактора, он делает тот продукт, за который продажник берет с клиента деньги».

Нет в мире правды и справедливости! Особенно в нашем рекламном мире.

В ожидании предсказуемого завершения спора я подперла подбородок кулачком. И совершенно напрасно – это движение вывело меня на линию огня.

До сих пор шеф, бронзовым Буддой восседающий во главе стола, созерцал лишь часть моего профиля – подчиненные сидели с двух сторон по трое в ряд, и я со своего места на правом крае виделась Броничу примерно как Маркс на барельефе с Энгельсом и Лениным, только без бороды. Выпав из ряда соратников, «Маркс» четко попал в прицел напряженного взгляда руководителя.

А тот явно не слушал унылую перепалку Степы и Гаянэ, сосредоточенно что-то обдумывая. И без того небольшие глазки Бронича были прищурены, а толстые пальцы беззвучно играли хроматическую гамму на краю стола.

Я напоролась на пристальный взгляд шефа, как неосторожный воришка на красный луч лазерного охранного контура. Тут же качнулась назад, но было уже поздно: Бронич перестал музицировать и радостным голосом грибника, узревшего среди трухлявых мухоморов вождь-ленный крепкий боровик, воскликнул:

– О, Инночка!

– Здесь я, – откликнулась я неохотно.

Триумвират Маркс-Энгельс-Ленин окончательно распался: прикрывавшие меня коллеги вместе со стульями отодвинулись от стола. Тоже поняли, что сейчас мне что-то прилетит от начальства, и не желали это сомнительное что-то перехватывать.

– Специально для тебя есть интересный заказик, – «обрадовал» меня шеф.

– Кто принес? – с подозрением спросила я, не спеша соглашаться непонятно на что.

«Где-то ведь собака точно порылась, неладно что-то с этим интересным заказиком», – поддержала меня интуиция.

– Заказик принесла Машенька, – ответил Бронич и заозирался, искательно шаря взглядом почему-то на уровне пола.

«Тоже собачку потерял?» – озадачился мой внутренний голос.

Предположение было резонным: в нашем рекламном агентстве нет ни одной Машеньки. Если не считать сказочную подружку медведя, их парный портрет висит над столом нашего офис-менеджера Рады – матери трехлетнего сына и вынужденной поклонницы популярных мультяшек.

Однако странно было бы назвать собаку Машенькой, это же человеческое имя...

Хотя Гуссейн – тоже человеческое...

Но какой интересный заказик могла принести нам собачка Машенька?! Даже моих талантов не хватит, чтобы сделать медийный продукт из погрызенной косточки!

– А где Машенька? – так и не найдя искомое, спросил Бронич Раду.

– Пошла с документами в кадры, – ответила та.

– Ну, вернется – познакомитесь. – Шеф строго посмотрел на меня и даже сосискообразным пальчиком погрозил: – Девочку не обижать!

– А она у нас кто? – уточнила я.

– У нас – пока стажер, а у папы, директора банка «Интенсив», – единственная и любимая дочка.

– О-о-о, наконец-то! – всплеснул руками наш режиссер Станислав.

Причиной его радости был не факт счастливого отцовства банкира, а перспектива получения долгожданного и желанного доступа к рекламному бюджету «Интенсива». Тамошний директор по маркетингу – совершенно непробиваемый тип, его безрезультатно штурмовали

все наши продавники поочередно, и вот, стало быть, хитроумный Бронич обошел неприступного маркетолога с фланга...

– Что за заказ? – Я сдалась и подставила шею под новое ярмо.

– Новый развлекательный объектик, тебе понравится, – пообещал шеф, улыбнувшись так приятно, что я окончательно утвердилась в мысли, что будет тот еще геморрой.

Размер проблемы прояснился уже после планерки, когда к моему рабочему столу небесным видением приплыла тюнингованная красавица. У нее были пухлые силиконовые губы, фарфоровое кукольное личико, идеальные брови и такие гладкие блестящие волосы, словно их сделали из золотой проволоки.

– Инна? Я Маша.

Красавица непринужденно присела на край моего стола, и я пожалела, что на нем нет чернильницы. Удачно опрокинув ее, я навсегда избавила бы Машеньку от некультурной привычки совмещать свое седалище с чужими столешницами.

– Дядьмиша сказал, это ты будешь делать заказ Сенси-парка, – продолжила красавица.

– Дядь Миша? – укоризненным эхом повторил Степа из своего угла за фикусом. – Девушка, в нашей компании принято называть директора по имени-отчеству или шефом...

– А в нашей компании он Дядьмиша, – даже не обернувшись на голос, отбрила Степу Машенька. – Короче, вот тебе телефон их маркетолога, он все расскажет, а мне некогда, у меня через двадцать минут педикюр.

Она бросила мне картонку визитки, отлепила свое бедро от стола и пошла к двери, смешно поскрипывая на свежeweымытом ламинате кожаными кедами.

Наша уборщица Клава задумчиво взвесила в руке швабру, но от пролетарского протеста удержалась и по пижонским белым брючкам мокрой тряпкой не прошлась. Только сказала уже в закрывшуюся за нахальной девицей дверь:

– Ишь, какая цаца!

– Это не цаца, это цеце, – со знанием дела сказал наш видеоинженер Андрюха, выглянув из своей затемненной каморки. – Мелкая, кусучая и жутко вредная! У меня такая бывшая была, тоже кра-а-а-а...

– Красавица? – подсказал Стас.

– Нет, кровососка! Чую, осложнит она нам брeнное существование, – напроорочил Эндрю и снова канул во тьму.

Карточку мне Машенька оставила интересную – не бумажную, а пластиковую. Гибкий плотный прямоугольник имел интенсивный красный цвет, а при покачивании радужно искрился. На праздничном кумаче богатым золотом затейливым шрифтом с финтифлюшками было вытиснено ФИО маркетолога: «Татьяна Ивановна Андреева».

– Итак, она звалась Татьяна, – пробормотала я, опасливо набирая нужный номер.

Непонятно ведь, чего ждать от человека, который свое простое русское имя и банальную контактную информацию преподносит столь пышно, пафосно и, скажем прямо, безвкусно.

Похоже, карточка была с намеком: Татьяна Ивановна оказалась личностью загадочной. Я позвонила ей трижды с перерывами на кофе и поход в туалет, но она упорно не брала трубку.

– Я к вам пишу, чего же боле? – пробормотала я, обдумывая вариант связаться с Ивановой по электронной почте.

Это могло быть долго, а мне не стоило затягивать – Бронич за полчаса уже трижды выдвигался из своего кабинета, чтобы вопросительно посемафорить в мою сторону бровями. Может, конечно, он начал практиковать мимическую гимнастику по типу фейслифтинга, но более вероятно, что шеф чрезвычайно заинтересован в успешном старте нового сотрудника – банкирской дочке Машеньки. Тогда он любую проволочку приравняет к саботажу и не замедлит покарать меня рублем. А мне оно надо?

– Так думал молодой повеса, несясь в пыли на почтовых, – продолжила я цитировать Пушкина, забывая в поисковик указанный на карточке адрес, чтобы понять, где конкретно находится этот Сенси-парк и не проще ли мне будет туда поехать.

О! Бинго!

Мне повезло: оказалось, что загадочную Татьяну Ивановну нужно искать совсем рядом с моим домом, буквально по соседству!

Это открытие меня воодушевило. Иметь заказчика в такой близости – редкий и ценный подарок судьбы. Под предлогом рабочих визитов к клиенту я смогу пораньше возвращаться домой!

Я сообщила Броничу, что в порыве трудового энтузиазма немедленно отбываю для предметного разговора с клиентом, умолчав о том, что место нашей встречи топографически совпадает с ареалом обитания моей семьи.

Зачем шефу эта лишняя информация? Она ничего ему не даст, кроме огорчительных сомнений в моем трудолюбии, а от таких безрадостных переживаний рукой подать до грешных мыслей о лишении кое-кого квартальной премии...

Уже через час я высадились из троллейбуса на остановке у нашего дома и в очередной раз подивилась причудам градостроителей. Не пойму, как здание с адресом «Графская, восемь» может стоять бок о бок с домом по улице Кожевников, сто сорок пять? Где графья, а где пролетарии-кожевники?! В социальном плане они разнесены бесконечно далеко, а на карте города соседствуют!

При этом сразу после восьмого дома по Графской идет четырнадцатый, а номеров с девятого по тринадцатый включительно вообще не существует. Они вроде напрочь потерянных поколений в аристократическом роду...

Легко сориентировавшись на хорошо знакомой местности, я направилась к нужному мне восьмому дому на Графской по задворкам – так было короче.

Проходя мимо собственного дома, я подавила естественный порыв сбегать к родному очагу на второй завтрак, и на этом моя сила воли иссякла. Искушению заскочить на лопуховую поляну я воспротивиться не смогла.

На самом деле меня со вчерашнего вечера не отпускала мысль, что мы с Денисом впопыхах недостаточно основательно прочесали заросли, и мертвая голова так и лежит там, вся такая загадочная и зловещая, как каменное идолище с острова Пасхи, только с нормальными ушами.

Сегодня мне некуда было спешить – точное время встречи с клиентом не оговаривалось, и я решила обследовать травяные джунгли более основательно.

Ограниченная с одной стороны стеной дома, а с другой – тропинкой, лопуховая поляна исторически создавалась как клумба и до сих пор сохраняла форму прямоугольника. Я мысленно разбила его на квадраты и, шагнув в зеленые волны в нижнем левом углу, поплыла по травяному морю зигзагообразно. Потревоженные лопухи недовольно шуршали и протестующе похрустывали.

Рука нашлась точно в центре поляны – в квадрате Б-2.

Она лежала ладонью вниз, подогнув пальцы так, что кисть образовала подобие круглого шатра, под куполом которого притаился маленький желтый цветочек. Это смотрелось бы лирично, не будь рука стопроцентно мертвой, в чем я была абсолютно уверена, потому что никакого тела к ней не прилагалось.

Ниже локтя рука заканчивалась.

Была ли она оторвана или аккуратно отрезана, я не могла увидеть – выше того места, где она была отделена от остального тела, морщились складки ткани, собранной на резинку. То есть эта рука была не голой, ее укрывало облагороженное подобие старомодного бухгалтерского нарукавника: из красно-черной блестящей ткани, с резинкой сверху и кружевной манже-

той снизу. На манжете блестела пуговка из желтого металла с красным камнем – на мой взгляд, слишком крупным, чтобы быть настоящим рубином. А на среднем пальце топорщился массивный перстень – тоже с камнем и совсем уж огромным, размером с крупного жука. Темно-синий, в густой лопуховой тени он казался почти черным.

– Эй, ты что там делаешь? – спросил женский голос, в котором любопытство смешалось с брезгливостью.

Я повернула голову, чтобы увидеть, кто это интересуется, и едва не застонала. На тропинке, с которой я сошла, стояла, нетерпеливо притоптывая ножкой, банкирская дочка Машенька. В своих белоснежных кедах она подобралась ко мне бесшумно, как настоящее дивное видение. К сожалению, не мимолетное.

И что ее сюда принесло? Собиралась же на педикюр!

– Кофе у вас в офисе, конечно, гадкий, но не настолько же, чтобы бежать по нужде в лопухи! – не получив ответа от меня, Машенька озвучила свою собственную версию происходящего.

Мне захотелось выругаться.

Наглая девица оскорбила меня дважды: предположением, будто я могу отправлять естественные надобности на улице, и низкой оценкой качества нашего основного офисного топлива.

Да, я сидела на корточках, и о том, чем я занята, Машенька могла судить в меру собственной испорченности. Но ничего такого я не делала! И в офисе мы пьем вполне приличный натуральный кофе! Просто не всем его даем. Очевидно, наглая практикантка моим коллегам не понравилась, и ей никто не сказал, что электрический чайник и банка с растворимой бурдой стоят на виду исключительно с целью отбить желание подольше задержаться в нашем офисе у случайных людей. Кому надо, тем варит правильный напиток кофемашина, спрятанная в нише за занавеской.

– Слушай, иди ты... Куда шла, – предложила я Машеньке.

– В Сенси-парк, как вроде и ты, – подсказала та. – Дядьмиша послал меня следом за тобой. Сказал – на полевую практику. У тебя ж опыта больше...

– Что у меня больше?! – Я коршуном взвилась из лопухов и, уже крюча когти для ближнего боя, сообразила, что наглая девица меня просто провоцирует.

Ах, так? Ладно, будет тебе сейчас полевая практика.

– Хочешь знать, что я тут делаю? Иди сюда. – Я чуть посторонилась, открывая вид на свою шокирующую находку.

С тропинки ее все равно было не разглядеть, но Машенька уже полезла в лопухи. Надо же, не побоялась зазеленить свои белые тапочки!

Я ощутила нечто вроде уважения к девице, которая идет на принцип, не щадя дорогой обуви... Хотя Машенька все же старалась не наступать на самые пышные травяные кочки, из-за чего шла ко мне не по прямой, а зигзагами. В какой-то момент она оказалась от меня даже дальше, чем в момент старта на тропинке, забурившись в не исследованный мной квадрат В-3. И тут я услышала:

– Ой! А... А-а-а-а...

А дальше был визг. Дикий, оглушительный, вонзившийся мне в левое ухо стальным шампуром и вылетевший из правого с одномоментным выносом мозга.

Несколько секунд я стояла, слегка покачиваясь, безмозглым контуженым зомби. Потом мой мозг, очевидно, втянулся обратно, и я поняла, что только что потеряла бережно хранимое тридцать лет звание чемпионки двора по истошному визгу. Парой мгновений позже сожаление по этому поводу вытеснило любопытство: это что же должна увидеть гламурная девица, чтобы так орать? Поддельное колечко «Тиффани» в своем ларце с украшениями?

Мгновением позже в открытом окне над головой самозабвенно визжащей девицы качнулась башня накладных волос, остро блеснул металлом край алюминиевого тазика, и на Машеньку обрушился водопад, для которого не стала препятствием невысокая виноградная шпалера.

– Ишь, разоралась! – в наступившей тишине удовлетворенно молвила баба Тося. – Тут тебе не программа «Голос»!

Голос Машенька, похоже, и впрямь потеряла. Она тыкала трясущимся пальчиком в заросли и повторяла:

– Там... там... там...

Хотя, возможно, это она выбивала дробь зубами: баба Тося наверняка окатила ее холодной водой. И хорошо еще, если чистой, а не из-под выполосканного белья.

Я присмотрелась, не повисла ли у Машеньки на плече какая-нибудь тряпочка из гардероба пожилой и негламурной дамы... Впрочем, Машенька и сама уже выглядела не гламурной цыпочкой, а просто-напросто мокрой курицей.

«А что у нее «там-там-там», тебе не интересно?» – поддел меня внутренний голос.

Вообще-то я уже догадывалась, что там: однорукое безголовое тело. Но баба Тося со своего наблюдательного поста на подоконнике предположила иное:

– Что, снова дохлая собака?! То-то, я слышала, кто-то там шебуршал – это, видно, она помирала...

– Собака?!

Я вспомнила о пропавшем Гусе и похолодела.

Ой-ой, только бы это был не он...

И это действительно оказался не он.

Вообще не собака.

Но и не безголовый однорукий труп.

Хотя да – труп, но вполне комплектный, со всеми руками-ногами и головой.

– А это еще кто? Знать его не знаю! – перевесившись через подоконник и кое-как рассмотрев покойника, от лица которого я специально отвела лопуховый зонт, сказала баба Тося так, словно под ее окном разрешалось лежать только знакомым жмурикам. – Ничего не понимаю!

– Не понимаю, – эхом повторила я.

Моя хваленая фантазия пасовала, не в силах увязать воедино целый труп и отдельно взятые руку и голову.

На ум приходили (и тут же пинками выбрасывались вон) разрозненные слова: «Франкенштейн», «зомби», «запчасти»... Но какие запчасти? Голову я не очень хорошо запомнила, но та рука в шелках и рубинах подходила к этому целому телу в лопухах не лучше, чем деталь от «Роллс-Ройса» «Ладе-Калине»!

– На бомжа вроде не похож, лицо не испитое, – комментировала меж тем баба Тося. – И не грязный, и одет обычно...

– Кроссовки «Рибок» из новой летней коллекции, – нормальным голосом сказала вдруг Машенька.

Очнулась, болезная...

– Да? Значит, точно не бомж, – кивнула баба Тося.

– Так.

Я вспомнила, за что парни из следственной группы всегда ругают граждан, оказавшихся в такой же ситуации, как мы сейчас.

– Машенька, отомри и ступай обратно на тропинку, желательно по своим же собственным следам.

– Я кто тебе, Чингачгук? – огрызнулась девица.

А я-то к ней ласково, Машенькой назвала! У-у-у, стерва...

Хотя в чем-то она права: где те следы, под распрямившимися лопухами уже не увидишь.

– Тогда просто выйди из клумбы кратчайшим путем, по прямой!

Слава богу, спрашивать: «Кто я тебе, Пифагор?» – девица не стала. Надо думать, скудное образование не позволило.

Сама я тоже выбралась на дорожку и с ускорением двинулась в глубь микрорайона, не оглядываясь на Машеньку и прочих – бабу Тосю, незнакомый труп и отдельно взятую руку, которая в отсутствие тела в целом определенно не заслуживала того, чтобы с ней всерьез считались.

Старушке соседке я, впрочем, на бегу бросила через плечо:

– Баба Тося, стерегите труп!

– Думаешь, удерет? – ехидно отозвалась она.

Я не стала говорить, что прецедент уже был – вчера из этой же локации исчезла мертвая голова.

Мне было некогда, я спешила.

Моей целью был одноэтажный розовый домик в окружении раскидистых плодовых деревьев. С виду – истинный приют спокойствия, трудов и вдохновения, прелестный лирико-романтический уголок в городских джунглях.

Когда мой папа был маленьким, здесь помещалась музыкальная школа, куда ходили немногочисленные девочки со скрипочками и мальчики с аккордеонами, а потом в моду вошла игра на фортепиано, и это круто изменило судьбу «музыкалки». Ее рояли и ученики стремительно размножились, перестали помещаться в четырех комнатах, и уже на моей памяти для них построили новое здание на пустыре, который за четверть века успел превратиться в симпатичный сквер. А помещения розового домика поделили между собой бухгалтерия РЭПа, участковый и детская комната милиции.

Участковому досталась угловая комнатка с двумя окошками. На одном из них в безупречном порядке, четко по ранжиру, были расставлены горшки с разновеликими кактусами, из другого открывался ничем не застилаемый вид на черную от старости лавочку под раскидистой шелковицей.

На лавочке, небрежно пряча в кулаке сигарету, курил пацан такой разбойничьей наружности, что его взяли бы в банду Робина Гуда без экзаменов: чумазый, давно не стриженный, с исцарапанными ногами и ссаженными костяшками на кулаках, но главное – с хитрющим взглядом ярко-голубых глаз.

– Здоров, Василиса, ты опять проштрафилась? – спросила я его мимоходом.

– Да что вы, тетенька, я очень хороший мальчик! – захлопал глазками Васька.

Василисой его прозвали еще в раннем детстве – за роскошные пшеничные волосы, которые его мамаша, профессиональный парикмахер, категорически не желала стричь из ностальгических соображений. Когда-то и у нее были русые косы толщиной в руку, но смелыми экспериментами с красками и средствами для завивки она превратила их в крысиные хвостики. Сына своего заботливая мама не хотела видеть лысым даже в отдаленном будущем, поэтому не касалась его волос до тех пор, пока мальчик не пошел в школу. А лет в тринадцать Василиса и сам решил, что стрижки ему не нужны, с длинным хайером он смотрится лучше, и с тех пор парнишка упорно превращается в Леголаса. И красавец же получается...

– Хорошие мальчики не ходят в детскую комнату, как на работу! – заметила я, не пригораживаясь. – Сигарету брось, а то я маме расскажу!

– Ябеда, – буркнул Васька, затапывая окурок.

Вот то-то же! Мама имелась в виду не Васькина – ее он давно не слушается, а моя собственная. Бася Кузнецова, как автор популярных ужастиков, имеет запредельно высокий авторитет у нашей дворовой шпаны, и Васька – один из вернейших ее поклонников.

Победно усмехнувшись, я вошла в розовый домик и мимо открытых по причине жары и духоты дверей бухгалтерии проследовала к кабинету участкового. У него тоже дверь была распахнута настежь, так что ничто не мешало любоваться душевной картиной, которую какой-нибудь пушкинист назвал бы «Лето в деревне».

Посреди небольшой скудно меблированной комнаты за старым, обшарпанным столом терпеливо дожидался прихода вдохновения рыжий юноша самой творческой наружности: с всклокоченными кудрями, бородкой и бакенбардами, с устремленным в потолок затуманенным взглядом, в белой рубашке с расстегнутым воротником и при современном варианте гусиного пера в виде шариковой авторучки. Ею он в задумчивости почесывал потеющую под золотым руном голову и уже успел нарисовать себе на виске сложную загогулину, похожую на татуировку работы мастера-абстракциониста. Загогулина была почему-то зеленого цвета. Наверное, синюю пасту пиит уже всю израсходовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.